

тив 9,6 в 1970 г. В РСФСР показатели рождаемости снизились с 1940 по 1980 гг. — с 33 до 15,9 промилле, прирост населения также снизился — с 16,8 до 4,9 в 1980 г.

Анализируя рост численности населения знаменитых городов Иркутской области можно отметить, что темпы роста в них превышали средний темп по области и РСФСР, а именно: население Братска к 1980г. увеличилось 4,3раза, Усть-Илимска — в 3,8, Ангарска — 2,3, Иркутска — в 1,82. (Рассчитано по: Народное хозяйство Иркутской области. Стат. Сборник. Иркутск: Восточно-Сибирское кн.изд-во, 1980. 128 с.; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. Ежегодник / ЦСУ РСФСР. М: Финансы и статистика, 1981. 406 с.).

С.К. КАНИН

КАЗУС КОРОТНЕВА (НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ РЫБОПРОМЫСЛОВОГО ИЗУЧЕНИЯ БАЙКАЛА В 1900–1902 гг.)

Приход первого поезда в Иркутск в 1898 г. означал не только скорое улучшение материальных условий жизни, но и приближение мечты о достижении высоких культурных и нравственных идеалов. Еще на заре истории Сибирской железной дороги Богданович писал, что «глушь непробудная убивает дух и наводит уныние» (Богданович Е.В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб., 1868. С. 17). Надежды на «ускоренное передвижение» позволили современнику воскликнуть: «Да ведь это увеличение человеческой жизни в пространстве! Понимаете ли: человеческой жизни?! Той самой жизни, которая во всяком здоровом существе составляет единственную цель всех действий, затрат, усилий, труда и мысли!» (В-ъ М. Несколько слов о Сибирской железной дороге. СПб., 1890. С. 24).

С начала 1890-х гг. Сибирь зажила в ожидании экономического переворота (Восточное обозрение. 1893. № 17. С. 1). В предвкушении растущего спроса на товары засуетились капиталисты, тысячи рабочих Иркутска устремились на рыбные промыслы, ожили «рыбные ряды» на Ангаре. Скоро все сибирские газеты пестрели статьями об истощении рыбных запасов Байкала и угрожающем разгуле «хищничества». С 1891 по 1897 гг. стоимость 18–20-пудового бочонка омулей (по 1000 штук в каждом) выросла с 50 р. до 125–135 (РГИА, ф. 268, оп. 3, д. 335, л. 41; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 251, 321, 361, 376, 388).

Николай II, председательствуя в Комитете Сибирской железной дороги (КСЖД), испытывал к Байкалу трогательные чувства. Еще в молодости он был очарован величественной природой байкальских берегов. Прочитав в отчете о состоянии Забайкальской области в 1898 г., что на

озере ведется «беспорядочная и бесконтрольная» охота на нерпу, царь немедленно сделал отметку «К министру земледелия». По заведенному порядку, управляющий делами КСЖД А.Н. Куломзин направил отметку в министерство земледелия и госимуществ (МЗиГИ), делавшее первые шаги по наведению порядка в рыбном промысле (Вестник Европы. 1901. № 5. С. 329–343). Из ответа министра А.С. Ермолова следовало, что он как раз собирался отправить на Байкал особую научно-промысловую экспедицию, которая вместе с гидрографической экспедицией Ф.К. Дриженко должна была «пополнить общую картину естественных условий этого бассейна» (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 1–2). Департамент земледелия выделил 2500 р., а еще 1000 р. добавил КСЖД.

Экспедицию возглавил известный зоолог, профессор Киевского университета Алексей Алексеевич Коротнев (15.02.1854–14.06.1915). Он руководил русской биологической станцией в Вилла-Франке на юге Франции (Северный вестник. 1891. № 3. С. 57–60; Труды Института истории естествознания и техники АН СССР, 1958. Т. 24. Вып. 5. С. 196–211). Вместе с Коротневым на Байкал отправился Ю.Н.Семенкевич, а там к ним присоединился местный исследователь В.П. Гаряев. По личной просьбе Куломзина, который раньше уже посещал судно гидрографической экспедиции (летом 1897 г.), моряки согласились помогать ученым и взяли их на борт «Иннокентия».

Прибыв на Байкал в середине июля 1900 г., Коротнев успел изучить юг озера, побережье острова Ольхон, Малого моря, Баргузинского и Чивыркуйского заливов. Истинный восторг вызвала у зоологов работа водолазов на постройке пристани в Лиственичном. Навверх поднимались камни, покрытые «роскошными экземплярами» губки и другой любопытной «живности». На Ушканьих островах ученые жили в палаточном лагере моряков, «на свободе, среди девственного леса, на берегу хотя и сурового, но величественно-красивого Байкала» (50-летие ВСОРГО. Вып. 1. Фауна Байкала. Киев, 1901. С. 13–14, 26). Офицеры-гидрографы А.М. Бухтеев, А.Д. Антонов и другие откликались на все просьбы, а лейтенант Ф.М. Белкин даже сделал акварельные рисунки 16 видов гаммарид (бокоплавов).

Вернувшись домой, Коротнев представил в МЗиГИ отчет об условиях обитания нерпы и ихтиофауне Байкала. По оценке ученого, ежегодно уничтожалось до 3–4 тысяч нерп, но охота на них становилась все менее выгодной. К 1900 г. пуд тюленьего жира подешевел с 5 до 3 р. При среднем количестве жира в 3,5 пуда, одна убитая нерпа стоила 11–12 р., «считая мех около рубля». Так как тюлень питался рыбой, то Коротнев пришел к выводу, что «в интересах рыбного промысла его следует уничтожать, как это и делается, например, в Дании и Германии» с балтийским тюленем (Вестник рыбопромышленности. 1900. № 9/10. С. 425). Для чиновников, откликнувшихся на указание царя, этот вывод ученого мог показаться неожиданным.

Что же касается варварских порядков на промыслах, то, по мнению профессора, они заключались не столько в количестве выловленной

рыбы, сколько в помехах к ее размножению и «неряшливом отношении к ненужной и бесполезной молодежи». Сельские власти покрывали разбой — «в этом году изображали из себя начальников, в будущем же году, обменявшись ролями, становились хищниками» (Там же. С. 430–431). Коротнев предлагал создать речную полицию, обеспечить ее надлежащими транспортными средствами, включая паровой катер, а вместо сиюминутных занятий приезжих экспедиций учредить постоянную биологическую станцию, способную принести научную и практическую пользу (Там же. С. 437; 50-летие ВСОРГО. С. 27–28).

Столь смелые заявления не могли не насторожить бюрократию. На следующий год ученый планировал расширить исследования, увеличить число сотрудников и даже арендовать отдельный пароход для глубоководного траления. Проект новой сметы во много раз превышал прошлогодний — Коротнев просил 18500 р. Для прагматичных сановников это было явно чересчур. В заседании 21.02.1901 г. КСЖД высказался против выделения кредита, причем профессору не помогли ни обращения к Витте и Куломзину, ни протекция покровителя станции в Вилла-Франке великого князя Михаила Александровича (РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 63, л. 168–168об; ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 39–42).

Летом 1901 г. Коротнев был вынужден отправиться на Байкал на собственные средства. Судя по его дружеской переписке с Чеховым, для Коротнева это был далеко не самый лучший период в жизни (ОР РГБ, ф. 331, к. 48, д. 34, л. 5–15; Из архива А.П. Чехова. М., 1960. С. 226–232). Но беспокойная натура ученого нашла выход и в археологических раскопках в окрестностях Иркутска (в Лисихе), и в жизни местного иркутского общества (Романов Н.С. Указ. соч. С. 453, 458, 460). На севере Байкала Коротнев и Семенкевич собрали впечатляющие коллекции неизвестной фауны, гербарии и пр.

Осенью 1901 г. Коротнев представил в Подготовительную комиссию КСЖД смету на будущий год. Хотя она по-прежнему составляла 18 500 р., но отношение уже было более сочувственным — видимо, возымели действие ходатайства высокопоставленных лиц. Комиссия назначила кредит в 10 тыс. р., «в предвидении того, что с упорядочением рыбных промыслов по берегу Байкала можно со временем ожидать облегчения участи имеющих осесть там переселенцев, избавить их от эксплуататорской деятельности захватывающих самовольно в свои руки местное рыбопромышленное дело капиталистов» (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 62об). Еще 2000 р. выделил департамент земледелия, а 6500 р. были «найденны» по личному указанию Николая II.

Приличная сумма позволила Коротневу летом 1902 г. взять на Байкал еще семь человек. Кроме того, покровительство царя и КСЖД гарантировало внимание к ученым со стороны всех лиц и учреждений, начиная от МПС, предоставившего льготный проезд по железной дороге, пользование пароходами байкальской переправы и необходимыми инструмента-

ми (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 206, л. 49; ГАЧО, ф. 206, оп. 5, д. 8, л. 17; Отчет по постройке Кругобайкальской ж.д. 1900–1905 гг. СПб., 1908. С. 31), и кончая местными властями.

Коротнев вполне искренно считал, что уже достаточно высказался в отношении «упорядочения рыбных промыслов», поэтому сосредоточился на «общей картине фаунистики озера» и теоретических вопросах, предоставив «практическую часть» чиновнику МЗиГИ И.Д. Кузнецову. «Спутники мои стремились вглубь, — писал Кузнецов, — дальше от берегов, где нет ни лова рыбы, ни промышленников; меня же влекло к мелководному побережью, в устья рек, где сосредоточивается рыболовство, и куда почти совсем не заглядывал наш пароход» (Кузнецов И. 12 дней на Байкале // Юный читатель. 1903. № 20. С. 52). Оставив Кузнецова на севере Байкала изучать многочисленные тони в устье Кичеры, зоологи поспешили в открытое море.

Разбор и сортировка уловов с полуторакилометровой глубины затягивались до поздней ночи. Чтобы сохранить все находки, не хватало ни посуды, ни реактивов. Одних гаммарид было собрано более 300 видов. Были сделаны сотни рисунков и фотографий новых неизвестных форм, о которых Коротнев с восторгом коллекционера писал, что они «создают такую среду, в изучение которой вкладываешь, кажется, всю душу» (Коротнев А.А. Отчет МЗиГИ о деятельности зоологической экспедиции на Байкале. М., 1902. С. 20–22).

Ученый предполагал издать серию монографий, подготовив «базис, на котором рано или поздно вырастет здание научного исследования Байкала». Однако ВСОРГО не располагал необходимой суммой. Было решено вновь обратиться в КСЖД через иркутского генерал-губернатора (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 206, л. 66–70; д. 267, л. 44–44об; РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 67–70). К сожалению, ходатайство покровителя отдела оказалось слишком прямолинейным. А.И. Пантелеев бесцеремонно заявил, что выделение кредита позволит «избежать обращения за нужными средствами к заграничным ученым обществам» и превращения дела изучения Байкала в «заграничное предприятие» (Материалы КСЖД, 1903, т. 25, л. 779об–780). Подобный «ультиматум» не только компрометировал высшую власть, но и бросал тень на все предыдущие проявления монаршей заботы. После заседания КСЖД 15.01.1903 о «курьезной» экспедиции и ее руководителе постарались забыть навсегда.

На взгляд руководителей КСЖД, ученые не оправдали вложенных в них значительных средств и вместо впечатляющих «практических результатов» оставили после себя только восторженные описания «планарий и гаммарусов». Научный интерес оказался слишком оторван от «практики» государственных учреждений. Однако, свидетельствуя о неисповедимых путях отечественной науки, байкальская экспедиция Коротнева вошла в историю и возвысила «непрактичных» чудаков, по своему веривших в силу знания.